

своим содержанием и в каждой из них есть свои приоритеты. Важно понять, что крымская лингвистическая культура не механическая сумма разных этнических, политических, религиозных и других культур, а единое взаимосвязанное целое, скрепленное общей славной или трагической историей.

В любом обществе имеется доминирующая культура – по этническому признаку, идеологическим и религиозным взглядам, по экономическому способу хозяйствования и по многим другим параметрам

Первой ступенью многокультурности, диалога культур является толерантность. От состояния, когда мы лишь терпим проявления иной культуры, нужно перейти к ее пониманию, затем – к уважению. Высшим уровнем этого развития является утверждение культурных различий. Толерантность в лингвистике – это взаимопонимание и терпимость, это не пассивный принцип на грани снисхождения, а активное стремление понять другого человека. Толерантность предусматривает также восприятие других культур при поиске общих ценностей.

Изучение иностранных языков позволяет знакомить учащихся с культурой страны изучаемого языка. Важно, что предмет, наряду с образцами художественной культуры, содержит описание ценностей, обычаев, традиций, норм поведения носителей данной культуры.

Составление элементов культуры другой страны, другого народа со знанием родной культуры дает возможность получить подтверждение идеи многообразия культур, уяснить особенности культурных проявлений, обусловленные спецификой экономического, политического и социального развития. Это способствует принятию этих особенностей как данность, учитывать их во взаимоотношениях с носителями другой культуры, испытывать уважение к культурным достижениям другого народа, чувствовать сопричастность к его проблемам и трудностям, стремиться к культурному сотрудничеству с зарубежными странами.

Дидактический принцип многокультурности отражает многоэтническую природу крымского общества, поэтому он предполагает, что при конструировании содержания лингвистического образования в нем должны найти отражение определенные элементы разных этнических культур, представленных в Крыму и во всем мировом образовательном пространстве. При этом основополагающими должны быть положения о том, что этнические культуры есть всеобщее богатство, что общенациональная крымская культура – это продукт исторического процесса взаимообогащения и взаимопроникновения этнических культур.

Специфика лингвистической личности, формирующейся в условиях поликультурного сообщества, связана с ее естественным и динамичным взаимодействием с несколькими культурами и константами, с другими языками. Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, студент, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает черты другой культуры, что отражается в характере реального общения и формирует поликультурную личность.

Источники и литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 869.
2. Богданович Г.Ю. Культурология, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика, полилингвокультурология. // Культура народов Причерноморья. – 2002. – №34.
3. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч.1. – М., 1964.
4. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: Опыт этнической ситуации в Крыму. – Симферополь, 2002.
5. Красных В.В. Основы психоллингвистики в теории коммуникации: Курс лекций. – М., 2001.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Шавлюк В.Б.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗОВСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья отражает результаты наблюдений над функционированием терминов «лабиализация», «первая лабиализация», «вторая лабиализация», «третья лабиализация», «паерок», «ринезм» («ринеизм») в 10 учебных пособиях по исторической грамматике русского языка [2, 3, 6, 7, 8, 13, 14, 16, 17, 18].

Цель наблюдений – установить, насколько корректно употребление этих терминов в обследованных учебных пособиях. Корректное терминопотребление состоит прежде всего в том, чтобы «создать речевые условия, которые обеспечили бы слушателю или читателю возможность однозначного и точного понимания примененного термина [5, С. 16]. Необходимо, чтобы термины, используемые в учебной литературе, служили не только средством обозначения отдельных явлений, когда эти явления упоминаются или характеризуются авторами, но и становились объектом специальных пояснений, раскрывающих свойственные терминам значения. Оптимальным средством, позволяющим описать значение термина, является дефиниция, или определение.

Анализ терминопотребления показал, что рассматриваемые в статье термины не сопровождаются дефинициями в учебной литературе по исторической грамматике русского языка. В словарях лингвистических терминов [1, 4, 10, 11, 12, 15] определяются термины «лабиализация» и «паерок», описания остальных интересующих нас терминов в них не представлены. При отсутствии словарной фиксации значений терминов «первая лабиализация», «вторая лабиализация», «третья лабиализация», «ринезм» («ринеизм») семантику этих терминов необходимо выявлять путем анализа контекстов, в которых эти термины используются в учебных пособиях по исторической грамматике русского языка. Как показывает наблюдение над функ-

ционированием перечисленных терминов в учебной литературе, контексты, в которых они употребляются, часто оказываются недостаточно информативными для уяснения значений терминов, а значит, и содержания понятий, выражаемых терминами.

Например, термин «паерок», встретившийся только в пособии П.Я. Черных, употребляется автором всего один раз, в следующем контексте: «Вообще надстрочных знаков в древней письменности было много (“паерок” в виде поднятой над буквой запятой на месте слабого ъ или ь...)» [17, с. 101]. В процитированном фрагменте основная функция надстрочного знака, называемого термином “паерок” (указывать на пропуск буквы “ер” или “ерь”, передающей слабый редуцированный гласный, при сокращенном написании слова [4: 353]), не получила отчетливого выражения. Следовательно, описание реалии, называемой термином “паерок”, не разъясняет читателю один из важнейших признаков понятия “паерок”.

Термин “ринезм” (“ринезизм”) зафиксирован в 3 обследованных учебных пособиях [14, с. 13; 17, с. 102; 18, с. 58], но в каждом из них он встречается только один раз. Например, в пособии Е.И. Янович он используется в таком контексте: «В дальнейшем носовые гласные почти во всех славянских языках утрачивали ринезизм (т.е. носовое произношение)» [18, с. 58]. Предлагаемого автором пояснения в скобках недостаточно для уяснения содержания понятия «ринезизм» (ринезизм).

В отличие от рассмотренных выше малоупотребительных терминов, термин «лабиализация» используется в обследованной литературе в значительном количестве контекстов, при анализе которых устанавливается его многозначность. При этом наличие у термина «лабиализация» нескольких значений отражено только в одном из обследованных словарей в следующих дефинициях: 1. «Приобретение звуком губного призвука, у-образного элемента в результате округления и выпячивания губ» [12, с. 132]; 2. Губной призвук, губная окраска звука, у-образный элемент, выявляющийся у звука в результате округления и выпячивания губ» [12, с. 132]. В остальных словарях термин «лабиализация» представлен как моносемант, определяемый как особое произношение, артикуляция гласного или согласного, сопровождаемая вытягиванием и округлением губ [1, с. 213; 10, с. 250; 15, с. 159] или как качество гласного или согласного (т.е. его губная окраска), обусловленное выпячиванием и округлением губ при его произношении [4, с. 60; 11, с. 144].

Наиболее часто термин «лабиализация» употребляется в обследованных учебных пособиях в значении, кратко формулируемом как «губная окраска звука». Например: «Лабиализацией характеризовались в древнерусском языке, по мнению некоторых лингвистов (прежде всего А.А. Шахматова), также твердые согласные» [2, с. 46]; «Гласные о, у характеризовались еще одним дополнительным признаком – лабиализацией» [3, с. 56]. Термин «лабиализация» используется и в значении «произношение звука с вытягиванием губ, обуславливающее губную окраску звука», например: «сочетания редуцированных с плавными ... пережили процесс лабиализации гласного под воздействием лабиовелярного [l], в результате чего праслав. * *vьlkъ* соответствует древнерус. *вълкъ*, рус. *волк...*» [18, с. 54].

Кроме значений, отраженных словарями, термину «лабиализация» в обследованной литературе свойственно еще одно значение, в котором он употребляется в пособиях А.И. Павловича и В.И. Собиной. В этих пособиях термин «лабиализация» используется наряду с терминами «первая лабиализация», «вторая лабиализация» и «третья лабиализация», отсутствующими в остальных пособиях.

В пособии А.И. Павловича термин «лабиализация» используется только в значении, которое описывается так: «Лабиализация – переход *e* в *o*. Этот звуковой закон называется так потому, что *e*, переходя в *o*, лабиализуется ... произносится с участием губ (*o* – звук лабиализованный, *e* – нелабиализованный)» [13, с. 95]. Значения терминов «первая лабиализация» и «вторая лабиализация» описываются А.И. Павловичем при первом употреблении этих терминов в составе заглавий параграфов, где рассматриваются соответствующие явления: «§18. Переход *E* в *O* и *B* в *Ь* в положении перед твердым *L* (первая лабиализация)» [13, с. 95]; «§28. Переход *E* в *O* в начале слова (вторая лабиализация)» [13, с. 112].

Сопоставление предлагаемых А.И. Павловичем объяснений значений терминов «лабиализация» и «первая лабиализация», согласно которым «лабиализация» – это переход [э] в [о], а «первая лабиализация» – переход [э] в [о] и [ь] в [ъ] перед [l], выявляет следующее противоречие. Получается, что производный термин «первая лабиализация» обозначает такое явление (переход [ь] в [ъ]), которое не отражено в описании значения производящего, базового термина «лабиализация», следовательно, это явление не может быть названо «лабиализацией». Данное противоречие устраняется, если допустить, что описание семантики термина «лабиализация» в пособии А.И. Павловича является неполным, отражает только часть содержания понятия «лабиализация». В содержании данного понятия должны быть обобщены признаки всех процессов, связанных с переходом нелабиализованных гласных в лабиализованные¹ в древнерусском языке и обозначаемых терминами «первая лабиализация» «вторая лабиализация» и «третья лабиализация».

В отличие от значений терминов «первая лабиализация» и «вторая лабиализация», значение термина «третья лабиализация» в заглавии параграфа А.И. Павловичем не разъясняется. Заглавие, в котором впервые в тексте употребляется термин «третья лабиализация», ориентирует читателя на последующее описание результатов данного древнерусского процесса, отразившихся в современном русском языке: «§29. Изменение *E* в *'O* под ударением в современном русском языке (третья лабиализация)» [13, с. 113]. В результате анализа содержания §29 пособия А.И. Павловича значение термина «третья лабиализация» в этом пособии кратко можно формулировать как переход [э] исконного или [э], образовавшегося из сильного редуциро-

¹ О лабиализованном характере ъ см. в работах В.В. Иванова [8: 75; 9: 59], В.И. Борковского и П.С. Кузнецова [2: 46], В.И. Собиной [16: 49].

ванного [ь], в [о] под ударением в середине слова перед твердым согласным и на конце слова [13, с. 114, 117].

В пособии В.И. Собинниковой термин «лабиализация» используется в двух значениях: «губная окраска звука» [16, с. 49, 93] и «переход [э] в [о]» [16, с. 25], однако автор не информирует читателя о том, что употребляет этот термин в разных значениях. Каждый из терминов «первая лабиализация», «вторая лабиализация» и «третья лабиализация» встречается в пособии В.И. Собинниковой только один раз. Характеризуя изменение [э] в [о], обозначаемое термином «третья лабиализация», автор упоминает также о первой и второй лабиализации и употребляет соответствующие термины (в краткой форме): «Для русского языка характерно изменение *e* (из *e* исконного и *e* из *ь*) в *o* после мягких согласных перед твердыми согласными – типа *несу* – *нёс*. Оно вызвано лабиализующим воздействием последующего твердого согласного и представляет собой вид 3-й лабиализации (первая связана с изменением начального *je* в *o* типа *осень*, вторая с изменением сочетания *telt* в *tolot*, *telot* типа – *молоко*, *шелом*)» [16, с. 89].

Сравнение содержания данного фрагмента пособия В.И. Собинниковой с содержанием фрагментов из пособия А.И. Павловича выявляет расхождения между этими авторами в использовании терминов, образованных на базе термина «лабиализация». Во-первых, А.И. Павлович называет термином «первая лабиализация» изменение [э] в [о] и [ь] в [ъ] перед [l], а В.И. Собинникова – изменение [э] в [о] в начале слова, обозначаемое А.И. Павловичем термином «вторая лабиализация».

Во-вторых, А.И. Павлович одним термином («первая лабиализация») называет процесс преобразования как [э], так и [ь] перед [l], т.е. в составе дифтонгических сочетаний *el*, *ьl*. А В.И. Собинникова, употребляя в процитированном выше фрагменте другой термин («вторая лабиализация»), говорит только об изменении сочетания *telt*, т.е. о переходе [э] в [о] перед [l] в составе дифтонгического сочетания *el*. Так как других примеров употребления термина «вторая лабиализация» в пособии В.И. Собинниковой нет, остается неясным, что она понимает под «второй лабиализацией»: только изменение [э] в [о] перед l или, как и А.И. Павлович, изменения [э] в [о] и [ь] в [ъ] перед l. Если верно последнее, то единственный контекст, в котором В.И. Собинниковой используется термин «вторая лабиализация», отражает содержание соответствующего понятия только частично.

В-третьих, А.И. Павлович и В.И. Собинникова по-разному объясняют условия процесса, который этими авторами обозначается термином «третья лабиализация». А.И. Павлович относит к третьей лабиализации переход в [о] ударного гласного [э] как перед твердым согласным в середине слова, так и в абсолютном конце слова, а В.И. Собинникова, как и другие авторы, считает, что «изменение *e* в *o* ... на конце слов ... вызвано аналогией: *плечо*, *бельё* по аналогии с *весло*, *седло*» [2, с. 131; см. также: 8, с. 184; 16, с. 91; 18, с. 115].

В-четвертых, А.И. Павлович для обозначения процессов, связанных с переходом нелабиализованных гласных в лабиализованные регулярно использует термины «первая лабиализация», «вторая лабиализация», «третья лабиализация», а В.И. Собинникова номинирует эти процессы с помощью названных терминов только один раз. При необходимости назвать тот или иной процесс В.И. Собинникова использует описательные выражения. Например, о переходе [э] в [о], осуществлявшемся в начальном слоге слова, сообщается так: «В начале слова отпадал йот и *e* изменялся в *o* в древнерусском языке, если в следующем слоге находился гласный переднего ряда *e*, *и*...» [16, с. 72]. Фонетические процессы, с которыми В.И. Собинникова соотносит термины «первая лабиализация» и «вторая лабиализация», освещаются в ее пособии раньше, чем в нем, на с. 89, встречаются эти термины: о переходе [э] в [о] в составе дифтонгического сочетания *-el-* говорится на с. 58, переход [э] в [о] в начальном слоге слова характеризуется на с. 23, 25, 64, 72, о переходе [ь] в [ъ] в составе дифтонгического сочетания *-ьl-* говорится на с. 53. В связи с этим возникает вопрос: если термины «первая лабиализация», «вторая лабиализация» и «третья лабиализация» не используются В.И. Собинниковой в качестве основного средства номинации соотносящихся с ними языковых фактов, то зачем они вводятся в текст пособия?

Таким образом, наблюдение над функционированием терминов «паерок», «ринезм» («ринезм»), «лабиализация», «первая лабиализация», «вторая лабиализация», «третья лабиализация» в обследованной учебной литературе выявило такие недостатки терминопотребления, как отсутствие дефиниций перечисленных терминов в текстах учебных пособий; использование терминов в контекстах, не позволяющих уяснить содержание понятий, выражаемых этими терминами; употребление одного и того же термина в разных пособиях в неодинаковом значении; использование при обозначении языковых фактов не терминов, а описательных выражений. Отмеченные недостатки не позволяют оценить употребление перечисленных терминов как корректное.

В связи с тем, что термины «ринезм» («ринезм»), «первая лабиализация», «вторая лабиализация», «третья лабиализация» в обследованных словарях не зафиксированы, а одно из значений термина «лабиализация» в них не отражено, мы предприняли попытку описания значений этих терминов в следующих рабочих дефинициях. **Ринезм (ринезм)** – произношение гласного, характеризующееся прохождением части выдыхаемого воздуха через полость носа, обуславливающее носовую окраску данного звука.

Лабиализация (3-е значение, отсутствующее в словарях) – характерное для древнерусского языка фонетическое изменение нелабиализованного гласного ([э], [ь]) в лабиализованный гласный ([о], [ъ]).

Значения терминов «первая лабиализация», «вторая лабиализация» и «третья лабиализация» целесообразно описывать через соотнесение со значением базового для них термина «лабиализация», выражающего родовое понятие. **Первая лабиализация** – характерная для древнерусского языка лабиализация гласных [э], [ь] в составе дифтонгических сочетаний *el*, *ьl* под воздействием твердого лабиализованного согласного [l], результатом которой является преобразование этих гласных в [о], [ъ]. **Вторая лабиализация** – харак-

терная для древнерусского языка лабиализация гласного [э] в начальном слоге [jэ], утратившем [j], результатом которой является преобразование этого гласного в [о]. **Третья лабиализация** – характерная для древнерусского языка лабиализация гласного [э] после мягкого согласного и [j] перед твердым согласным, результатом которой является преобразование этого гласного в [о].

Источники и литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 608 с.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1965. – 555 с.
3. Букатевиц Н.И., Савицкая С.А., Усачева Л.Я. Историческая грамматика русского языка. – Киев, 1974. – 309 с.
4. Булахов М.Г. Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии. В 5 т. Т. 2. Кавыка – Плюсквамперфект. – Минск, 2003. – 418 с.
5. Головин Б.Н. Роль терминологии в научном и учебном общении // Термин и слово. – Горький, 1979. – С. 14–24.
6. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1997. – 383 с.
7. Дибров А.А., Овчинникова В.С., Левчук В.И. Историческая грамматика русского языка. – Ростов–на–Дону, 1968. – 329 с.
8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – 400 с.
9. Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. – М., 1968. – 358 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 685 с.
11. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960. – 436 с.
12. Немченко В.Н. Основные понятия фонетики в терминах. – Н.Новгород, 1993. – 252 с.
13. Павлович А.И. Историческая грамматика русского языка. – Ч. 1. Введение и фонетика. – М., 1977. – 189 с.
14. Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка. – Воронеж, 1996. – 76 с.
15. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь–справочник лингвистических терминов. – М., 1976. – 543 с.
16. Собинникова В.И. Историческая грамматика русского языка. – Воронеж, 1984. – 296 с.
17. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. – М., 1954. – 336 с.
18. Янович Е.И. Историческая грамматика русского языка. – Минск, 1986. – 319 с.

Штейнбук Ф.М.

АНТРОПОЛОГІЧНІСТЬ ТІЛЕСНОСТІ В ТЕКСТОВИХ СТРАТЕГІЯХ СУЧАСНОЇ ЛІТЕРАТУРИ В КОНТЕКСТІ ВІДНОШЕННЯ ДО ВЛАСНОГО ТІЛА

На наше глибоке переконання, характер художньої творчості є пов'язаним не лише з духовною парадигмою – в не меншому ступеню він стосується й виміру тілесного, що за посередництвом механізму мімесісу знаходить можливість реалізуватися через дискурсивні практики. І це, на наш погляд, є цілком закономірним та абсолютно неминучим, тому що на всіх етапах становлення тексту – як на рівні лінгвістичних вправ, так і в контексті перцепції – неодмінною центральною фігурою цих дискурсивних екзерсисів була, є і завжди залишатиметься людина з усім комплексом своїх антропологічних виявів.

Натомість, з іншого боку, враховуючи постмодерністський кшталт багатьох творів сучасної літератури, ми постаємо перед необхідністю звернутися до антропологічної складової літературних творів в аспекті проблематики тілесного міметизму. Адже важко не погодитися з думкою чи то К. Леві-Стросса, чи то Анре Мальро, яку наводить у своїй статті А. Я. Гуревич і відповідно до якої „двадцять перше століття буде століттям наук про людину, або її (людини) не буде взагалі” [6, с. 38]. А відтак **актуальність** теми даної статті визначається значимістю антропологічного виміру, який не викликає сумнівів, якщо йдеться про гуманітарні науки ХХІ століття взагалі і про літературознавство зокрема.

Втім, **метою** цієї статті є спроба з'ясування залежності особливостей текстових стратегій сучасної літератури від антропологічного характеру тілесності в контексті відношення до власного тіла.

Отже, передусім слід ствердити, що проблема людини в антропологічному вимірі постала не лише в останній період у зв'язку із черговою цивілізаційною кризою. Так, ще „у давній китайській, індійській, грецькій філософії людина розглядається як частка космосу – певного єдиного понадчасового світопорядку, як мікрокосм – відображення й символ Всесвіту, макрокосму” [14, с. 18]. При цьому варто зауважити, що макрокосм, „своєю чергою, мисли[в]ся антропоморфно – як живий одухотворений організм” [там само]. Наприклад, в „Упанішадах” бачимо виразну аналогію між людським організмом та макрокосмом, тут знаходимо послідовну взаємовідповідність елементів світу й тілесних органів та органів людського відчуття” [там само].

Не менше, а ще більше уваги приділяється даній проблематиці в сучасній філософії та літературознавстві [див. про це, наприклад: 3; 11; 5; 4; 7]. Однак докладний аналіз розвитку ідей філософської антропології не входить у перелік наших завдань, а тому ми перервемося на цьому, ствердивши лише, слідом за Петером Слотердайком, що „зараз загальником філософської антропології” є наступна позиція: „людина, якою вона є, живе „неприродно”. Те, чим для неї була природа, „втрачено”, „перекручено” й „деформовано” цивілізацією. Людина в жодному разі не перебуває в „центрі свого єства”, натомість стоїть поряд із собою як інший,